

ЧЖУАН-ЦЗЫ

БРОНИСЛАВА
ВИНОГРАДСКОГО

古之人魚在混芒之中
，与一世而得澹漠焉
一当是时也，阴阳和
静，
扰，
鬼神不
节一万物不伤，群生
四时得
不夭，人虽有知，无
所用之，此之谓至魚

КНИГА
О ЗНАНИИ И ВЛАСТИ

Искусство управления миром.
Авторская серия Б. Виногородского

Бронислав Виногородский
**Чжуан-цзы Бронислава
Виногородского. Книга
о знании и власти**

«ЭКСМО»

2016

УДК 1(091)(510)

ББК 87.3(5Кит)

Виноградский Б. Б.

Чжуан-цзы Бронислава Виноградского. Книга о знании и власти /
Б. Б. Виноградский — «Эксмо», 2016 — (Искусство управления
миром. Авторская серия Б. Виноградского)

ISBN 978-5-699-90833-2

<p id="_GoBack">«Сон Чжуан-цзы», в котором ему казалось, что он бабочка, и пробуждение с вопросом «Кто кому снится? Бабочка Чжуан-цзы или Чжуан-цзы бабочке?» – возможно, самая известная в мире китайская метафора об устройстве сознания и познании мира. Чжуан-цзы – знаменитый философ-даос и автор притч, занимающий в пантеоне китайской культуры место, соизмеримое с Конфуцием и Лао-цзы и в то же время особенное, поскольку его произведения доступны для понимания читателю с любым уровнем подготовки и непосредственно: как текст и образный ряд. И эти притчи оказывают на сознание читающего непосредственное и прямое действие, преобразуя символы забавных и поучительных историй в заряд созидательной энергии, которую каждый волен направить туда, куда ему вздумается: в бизнес, в саморазвитие, в отношения, в собственное творчество. Потому что Великий Созерцатель поведал нам о том, что видел вокруг себя, постоянно обращая свой взгляд не на вещи, а на время и изначальное в этих вещах. По сути, во всем тексте говорится о вещах простых и обыденных, но как только они оказываются в поле рассмотрения мудрого, тут же проявляется в них великая тайна этого мира. Бронислав Брониславович Виноградский, известный переводчик, художник и эксперт по Китаю, впервые в истории прочтения и познания Чжуан-цзы сделал не буквальный перевод, а пересказал весь известный на сегодня свод притч современным языком. «Думаю, – пишет во введении Бронислав Брониславович, – что каждый читатель прочтет книгу по-своему и сделает свои выводы. А именно для этого все и написано. Уверен, что вы будете возвращаться к этой книге множество раз, ибо на каждом новом этапе познания будет меняться ваше видение, а неисчерпаемая глубина древней мудрости всегда будет источником прозрения и вдохновения для

вдумчивого читателя. Потому странствуйте в беспредельном по волнам своей воли, воли этого мира. Хороших вам путешествий духа, познания, воли и власти, в первую очередь над самими собой, ибо никакой другой власти в этом мире нет и быть не может». В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 1(091)(510)

ББК 87.3(5Кит)

ISBN 978-5-699-90833-2

© Виноградский Б. Б., 2016

© Эксмо, 2016

Содержание

Предисловие	7
Сон мотылька: жизнь Чжуан-цзы	9
1—7. Внутренние свитки	11
Свиток 1. Ловля свободных потоков воли	12
Свиток 2. Равновесие предметов	22
Свиток 3. Главное в питании жизни	44
Свиток 4. В миру среди людей	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Бронислав Виноградский
Чжуан-цзы Бронислава Виноградского.
Книга о знании и власти

© Виноградский Б. Б., текст, иллюстрации, 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Предисловие

Все начинается с моря-океана, непроглядной пучины где-то внизу, которая проявляется, когда ты обращаешь свое внимание вниз. И естественным образом тебя тянет взглянуться, посмотреть, различить.

Желания различать и сличать неразлучны в твоём уме, они действуют постоянно, и неважно, куда обращается твой взгляд – наружу или внутрь. Везде мелькают образы, порождая чувства.

И вот в пучине появляется образ. Образ – это рыба, а рыба – это образ образа.

С самых первых слов книги речь великого Круга Силы (Чжуан-цзы) идет о познании, о том, как устроено сознание, какие в нем происходят движения, какие действуют законы и закономерности.

Знание и власть – это и есть рыба и птица, воплощенные в образах, рождающих чувства.

Об этом вся книга, которая существует в человеческом сознании уже две с половиной тысячи лет, и каждый, кто соприкасается с ее содержанием, вдохновляется на познание власти. Нужно понимать, что главная и единственная сила власти – это всегда усилие знания по познанию неведомого. Потому так часто на страницах этой книги появляется главный персонаж, который прозывается Знанием, или Знающим.

Чжуан-цзы совершенно свободен в пространстве полета духа, и потому он легко перемещается во тьме неведомого, которое он освещает своим светом, делая ясным и понятным. Но как только ты обращаешься к своим привычным делам, то тут же свет этот исчезает, и приходится иметь дело с обычными делами и предметами, пытаешься разобраться с происходящим с помощью знания, поэтому включаешь Познающего в себе, чтобы обрести власть и управиться с волнами времени в своем уме.

А Путь, или высший закон познания власти, всегда находится за пределами познанного, но и пределов его никогда не покидает. Ибо в высшем своем проявлении это устройство Неба и Земли, а если взять самое простое, то он и в грязи на дорогах, и в общественном туалете со всеми отправлениями и проявлениями этого мира, познаваемого нами через наши тела.

И мы, люди, постоянно странствуя, перемещаясь между пользой и вредом, обретениями и потерями, честностью и притворством, движемся в потоке великого Пути, пытаемся приспособиться в меру своих сил, разумений, способностей, познания и незнания.

Люди придумывают связи между словами, наблюдая взаимодействие предметов и образов во времени сознания, а сам Чжуан-цзы об этом говорит постоянно по-разному. В одном случае он так объясняет ученикам, пришедшим к нему с вопросом: «Можно, конечно, искать и выбирать между тем, что может приносить пользу, и тем, что для людей бесполезно. Это кажется самым правильным. Все равно будет слишком много обременений и ненужных нагрузок. Избежать этого можно, только странствуя по миру, пребывая на уровне Пути и силы духа, двигаясь по этому потоку, подобно перышку в ручье. И не будет тогда похвал и поощрений, но не будет и нападков, и хулы».

В другом случае он говорит совершенно противоположное, ставя тебя в тупик. А в этом-то все и дело. Ты должен попасть в безвыходное положение, чтобы найти из него выход.

«Смотрите, к примеру, лиса, у которой пышная шерсть, и горный барс, шкура которого покрыта прекрасным узором, обитают в чащах горных лесов, прячутся в пещерах на утесах, пребывая там в состоянии покоя... И тем не менее они неизбежно попадают в силки и капканы, которые ставят люди, что охотятся на них. Что же является причиной их бед, какие законы они нарушают, в чем их ошибка? Страдают они из-за красоты своих шкур».

Так вот и мы, пытаясь сделаться лучше, все время натягиваем личины и маски, которыми приукрашаем то сущее, что ни в каких украшениях не нуждается. Но такова наша природа. И потому, вглядываясь во тьму всего неведения мира, мы высвечиваем из нее туманные образы истины, но как только на основании этих истин появляется модель поведения, она, будучи прекрасной по своему устройству, и таит в себе самую большую опасность для нашего состояния.

Потому и говорится, что единственная модель, вмещающая в себя все остальные, – это пустота и отсутствие. Прийти к пределу своей пустоты – вот задача для мудрого.

А в обыденной жизни все по-другому. Постоянно находятся поводы для выражения чувств. Это привязанность и досада, раздражение и любовь, печаль и стыд.

По сути, во всем тексте говорится о вещах простых и обыденных, но как только они оказываются в поле рассмотрения мудрого, тут же проявляется в них великая тайна этого мира.

И потому так понятно и громко звучит в нашем сознании рассказ о том, что постоянно происходит между людьми, и в этом рассказе мы видим, как мелочи становятся лишь образами и знаками высшей истины. А высшая истина всегда о том, как во времени своего сознания ты делаешь усилия духа, чтобы постичь устройство происходящего.

Можно приводить множество цитат из текста, и все они попадают в точку, все они отзываются прозрением и светом, потому что это о вечном, и мир всегда был таким, каким он был, не меняясь со времен великого Созерцателя, Круга Силы, который поведал нам о том, что видел вокруг себя, постоянно обращая свой взгляд не на вещи, а на вечность в этих вещах.

Возможно, я слишком вольно обращаюсь с текстом оригинала, но сам этот оригинал свободен от любых пут, потому что он дается нам для размышлений, являя примеры самопознания и постижения высших истин. Потому мелочи не играют никакой роли, будучи самыми важными во всем.

Думаю, что каждый читатель прочтет книгу по-своему, сделает свои выводы из прочтенного. А именно для этого все и написано. Уверен, что вы будете возвращаться к этой книге множество раз, ибо на каждом новом этапе познания будет меняться ваше видение, а неисчерпаемая глубина древней мудрости всегда будет источником прозрения и вдохновения для вдумчивого читателя.

Потому странствуйте в беспредельном по волнам своей воли, воли этого мира, и хороших вам путешествий духа, познания, воли и власти, в первую очередь над самими собой, ибо никакой другой власти в этом мире нет и быть не может.

С почтением, Бронислав Виноградский

Сон мотылька: жизнь Чжуан-цзы

Даосский трактат «Чжуан-цзы» был создан в III веке до н. э. И современники, и последующие поколения почитали автора этого текста как совершенно мудрого человека.

Про жизнь самого Чжуан-цзы сохранилось очень мало сведений. Предположительные даты жизни – 369–286 годы до н. э. Это время в истории Китая называется эпохой Борющихся царств. Страна была разделена на соперничающие территории, и сражения происходили не только на полях военных битв, но и среди мыслителей и мудрецов.

Известно, что Чжуан-цзы был родом из местечка Мэн княжества Сун. До сих пор идут споры о его месторасположении. По одной из версий, сейчас это город Мэнчэнсянь в провинции Аньхой. В окрестностях Мэнчэнсянь в 1078 году построили храм для жертвоприношений Чжуан-цзы.

Какое-то время Чжуан-цзы занимал государственную должность, а на склоне лет, оставив службу, вернулся в родную деревню. Дружил с разбойниками, нрава был веселого. Прослыл как наставник и учитель. Считается, что Чжуан-цзы был самым выдающимся последователем основателя даосизма Лао-цзы и критиковал в своих сочинениях Конфуция.

Известна история, когда на предложение правителя пойти служить к нему высшим советником Чжуан-цзы рассмеялся и ответил, что лучше быть ему в грязи, пребывая в безмятежности, чем находиться в узде у князя.

Рассказывают, что перед смертью просил он себя не хоронить, а оставить его тело в чистом поле, потому как могилой ему станет весь мир.

Звали его Чжоу, а Чжуан, соответственно, фамилия. Имя Чжуан Чжоу можно перевести как Круг Силы. Под таким именем он и появляется в книге. Но в своих странствиях по миру сущность его постоянно преобразуется, превращаясь то в Круга Силу, то в Силу Круга, то в Круга Силыча, то в сон мотылька.

1—7. Внутренние свитки

Свиток 1. Ловля свободных потоков воли

Мир все время притягивает внимание к времени через качество ожидания. Впереди маячат образы, вот они и светятся разными очертаниями, и с этими очертаниями связываются предчувствия чего-то неотвратимого. А посмотреть в никуда нет ни причины, ни смысла.

Когда заглядываешь в невидимое, точнее туда, где ничего разглядеть не можешь, обретаешь опыт, о котором тоже хочется рассказать.

Само усилие, чтобы посмотреть туда, где ничего нет и быть не может, невысказано по своей природе, но только оно приносит знания в мир твоих переживаний и ощущений. Искусство смотреть в неведомое, ибо оно и есть невидимое, сродни ловле ветра между ладонями, но если задуматься об этом, то в поисках свободы, воли и свободы воли куда еще смотреть. Остальное ведь все занято, занято твоими знаниями об этом мире.

Странствовать можно только в полях, которые возникают у тебя под взглядом по мере того, как выталкиваешь проявленное за грань во тьму, и остается только несуществующее, отсутствующее. Вот тогда и появляется возможность наполнить старые мехи новым вином.

Не знаю, зачем это надо. Наполнять, смотреть во тьму непроглядную. Но я смотрю, опустошаюсь и наполняюсь, смотрю, как происходит опустошение и наполнение.

Всё – лишь волны, волны дыхания времени.

В непроглядной тьме, бездонной, как сама вечность, где и времени-то нет вовсе, потому большей, чем вечность, в этой непроглядной бездонности севера есть рыба. Откуда она там? А что же там еще может быть? Конечно, рыба. Раз уже есть. Она есть, и имя у нее есть, у этой огромной рыбы, живущей в бездонной тьме сознания, большего и более глубокого, чем сама вечность. Есть у нее имя. Только как назвать ее, кто ж знает, как ее назвать. Но если познаешь непознанное, то сам и делаешь все действия познания. Назови и узнаешь.

Я и назову ее Перво-рыбой. Вот такой вот шустрый. Пусть будет – а что ей? Ее же и нет на самом деле, по крайней мере, только что ее не было, и появилась ли она – неизвестно. Какой она может быть величины, рыба эта – Перва? На какую из известных рыб она похожа? Пусть для краткости, а то длинно писать, и совсем не важно как, но будет звучать ее имя как Перва. Для истинных ценителей, кто понимает. А кто понимает?

А никто ничего не понимает.

Но такая здоровая рыба, что ума не приложу, как эту величину обозначить. Ведь смотришь откуда-то, из такой какой-то дали! С такой какой-то глубины, вышины и скорости. И ни за что не поймешь, что это там внизу и сколько в ней, что внизу, в глубине, каких единиц измерения, если только тебе точно не сказать.

А оно все так устроено в полях твоего познания. Если тебе не сказать, откуда ты, кто ты, зачем ты, то как узнаешь?

Стоит об этом, кстати, если не поговорить, то хотя бы подумать. Ну если совсем уж не стоит задумываться, тогда хоть поглядеть можно.

А если поглядишь, то опять неведомое, а там уже знаешь. Знаешь, что там Перва огромная такая, что не знаешь, какая огромная.

А Перва уже была там всю бесконечность времен, в непроглядной бездонности севера. Ее, может, и не было вовсе, и только когда ты начал ее выглядывать, то и она начала выглядывать. И выглянула, то есть появилась. Вот и смотрите вы друг на друга. А зачем? Она на тебя своей необъятной спиной, а ты – на нее, чем ты и откуда ты на нее смотришь?

Не думаю, что кто-то может долго такой взгляд выдержать.

И Перва перестает быть Первой, становясь тут же Второй.

А кем и чем становишься ты в это время? Ведь никакие изменения и преобразования не могут произойти в этом мире так, чтобы преобразования не произошли и с тобой.

Втора – это уже не рыба. Втора – это другое имя. Втора – это птица. Превращается Перва во Втору, рыба в птицу, одно в другое. А как может быть иначе? И Втора под взглядом твоим как цветок огненный расцветает, ибо питается все лишь твоим вниманием. И напитанная вниманием вода становится огнем. А огонь – он стремится туда, где жарко.

И если первый раз ты глаза вниз опустил, это потому, что естественнее по потоку вниз поглядеть. Мог бы сразу и вверх. Или не мог бы? Хотя какой там низ, какой там верх, если все эти взгляды и потоки внимания случаются непонятно где. Не случаются они нигде. Не случаются.

Ничего ты не понял. Но не для понимания затевается познание непознанного. Всегда для другого. Птица появилась там, где должна быть рыба, и тоже огромная, ну, примерно той же вместимости, что и рыба.

Но она невесомая и летучая, огнем наполненная, гневная и огневая. Она не может не лететь в твоём взоре. И крылья у нее трепещут бесконечностью небесных облаков, огромных и легких. На крыльях облаков взлетает птица все выше и выше. Мелькают образы превращений и превращения образов.

Просто время пришло прийти в движение морю времени, где была рыба, и полететь, отправиться туда, где истоки всех огней, на юг. В непроглядное сияние юга, которое точно такое же, как и тьма, не пропускает в себя взгляд, рождая лишь в твоём воображении бешеную пляску, которая зовется снами разума, химерами матери мира.

Непроглядная пучина огня, конечно же, находится наверху, на юге. То есть это небесная бездна. Такой же омут, что появился вначале, такая же бездна вечности, направленная вверх.

Летит Втора вверх, направляется в непроглядное сияние юга, чтобы в нем пропасть и раствориться, опять превратившись во что-то еще.

Не спрашиваю вас, любезный и почтенный читатель, попадалась ли вам древняя Книга чудес. Думаю, что нет. Даже уверен.

В Книге чудес про это по-другому рассказывают. С пафосом и высоким надрывом. Про птицу Втору и про все остальное: «Вода вздымается на три тысячи мер, когда собирается птица Пара отправиться в непроглядную пучину юга. Ударит крылом и взметнется на девяносто тысяч верст. Каждый рывок в полете будет шесть месяцев длиться».

Числа все кратные тройке приводят. Потому что есть ты, есть Перва и есть Втора (или Пара). То есть всего три единицы. Хотя – одна. Но об этом сейчас не будем, потому что иначе из круга не выйти.

А может, и не надо?

Если долго вглядываться в то, как воздух движется, или в облако пыли за проскакавшим в зной по степи табуном коней диких, то можно еще и не такое увидеть. Но явления эти все одного порядка, или двух, или трех.

Но давай поверим, что все предметы живые, то есть проводят через себя дыхание времени и дышат друг другом, перетекая своими дыханиями друг сквозь друга. А как бы иначе осуществлялось сообщение между мирами, ибо каждая сущность обладает своим миром? Только через дыхание. Вдохи и выдохи времени.

Небо кажется синим-синим, но оно может быть какого угодно цвета, разве синий его настоящий цвет? Таким оно кажется, как и птица, которая тебе кажется. Небо и есть эта птица?

А когда птица глядит с неба, что ей кажется, что ей видится? Что может казаться кажущейся птице?

Вот ты, чем или кем хочешь быть: небом, птицей, рыбой? Откуда на все это смотреть, в какие бездны и выси погружаться и вздыматься?

Ты обязательно должен определиться.

Есть ли пределы у неба? Даже если ты представишь и тебе покажется, что есть пределы у неба, так это действительно его настоящие пределы?

Небо выгладит безграничным, но каков его настоящий предел?

Когда птица сверху глядит, что она видит внизу?

Все таково.

Если тебе непонятно, о чем, собственно, идет речь, я сейчас приведу наглядные примеры, которые легко представить и ощутимо попробовать их применимость в действительном (ха-ха) бытии воображаемого мира.

Возьмем немного воды, и если ее мало, то не будет в ней силы, чтобы удержать большой корабль. Это как крейсер в маленьком озере или пруду.

Что такое вода в твоём сознании, что такое море твоего воображения? Каковы цели кораблей, запускаемых в этом море?

Для ямки в земле, что вмещает плошку воды, мельчайшее горчичное зернышко будет большим кораблем. А если пустить туда чашку, вода не сможет ее удержать.

Речь ведь идет о том, почему и как различается малое и великое в твоём сознании. А рыба и птица – образы двух движений в сознании, двух основных движений, то есть это не предметы. Предметы – это всегда образы действий.

Так вот дело обстоит и с птицей Второй, которой нужны толща и мощь огромных ветров в бесконечных просторах неба твоего воображения, чтобы держать ее огромные крылья.

Вот потому она и летит на высоте девяносто тысяч верст, опираясь внизу на огромную толщу ветров, забирая из них для своего полета силу и оставляя их обессиленными позади.

Спина этой птицы – лазоревый свод огромного неба.

Так разве что-то в мире способно помешать полету этой огромной птицы?

А давайте послушаем, что цикада, такая довольно большая муха, и пичуга, такая довольно маленькая птичка, болтают, подсмеиваясь над огромной птицей. «Когда я решаю лететь, – говорит цикада, – поднимаюсь в воздух, чтобы с вяза перебраться на клен. Не всегда долетаю с первой попытки, иногда нужно опуститься на землю и передохнуть. А этой Вторе зачем-то нужно подняться на девяносто тысяч верст, когда летит на юг. А зачем ей на юг?»

Разные расстояния для странствий подразумевают разные приготовления. И если ты собираешься в странствие на один день, берешь припасов на три приема, потому что потом вернешься. Столько еды хватает, чтобы был полон живот, чтобы голод не ощущать.

Если рассчитываешь на дорогу длиной сто верст, то берешь запас риса на несколько ночевок в пути.

Когда пред тобой дорога длиной в тысячу верст, то возьмешь припасов на три месяца странствий.

Этим двум мелким тварям откуда про это знать?

Малому знанию не постичь большого познания.

Опытом малого срока не постигнешь сути больших времен.
Разве могут они разобраться в великом знании?

Гриб, рожденный на одно утро, не способен познать срок лунных затмений. А к югу от Ясного царства живет существо, которое зовется Непроглядным Чудом, и период его весны равен пяти сотням лет, и осень его тоже длится пять сотен лет.

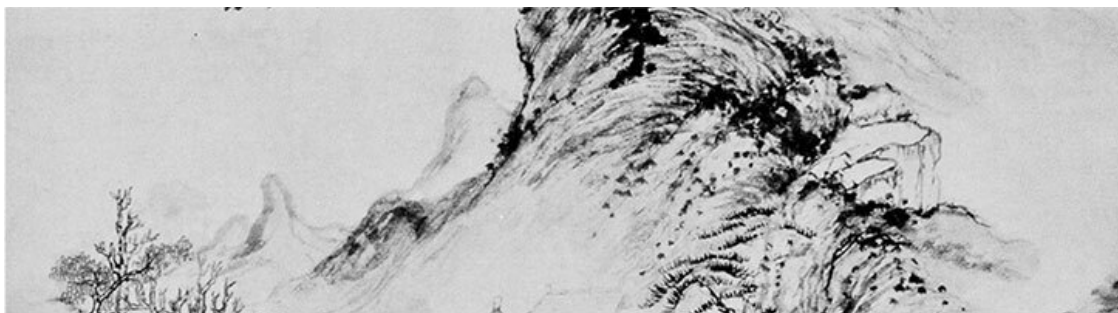
Во времена высокой древности было дерево великой весны, так его весна длилась восемь тысяч лет, и такой же была его осень.

Сейчас все славят выдающегося долгожителя, прозванного Роскошным Прародителем, за то, что сумел прожить та к дол го. Множество людей хотел и бы жить та к же дол го. Разве не грустно?

Все относительно, и только в заданных заранее системах координат можно определять, что является большим, а что малым.

Великий правитель, зовущийся Вольным, об этом вел такую беседу с мудрецом, прозванным Плетеным, опять говоря о птице и рыбе:

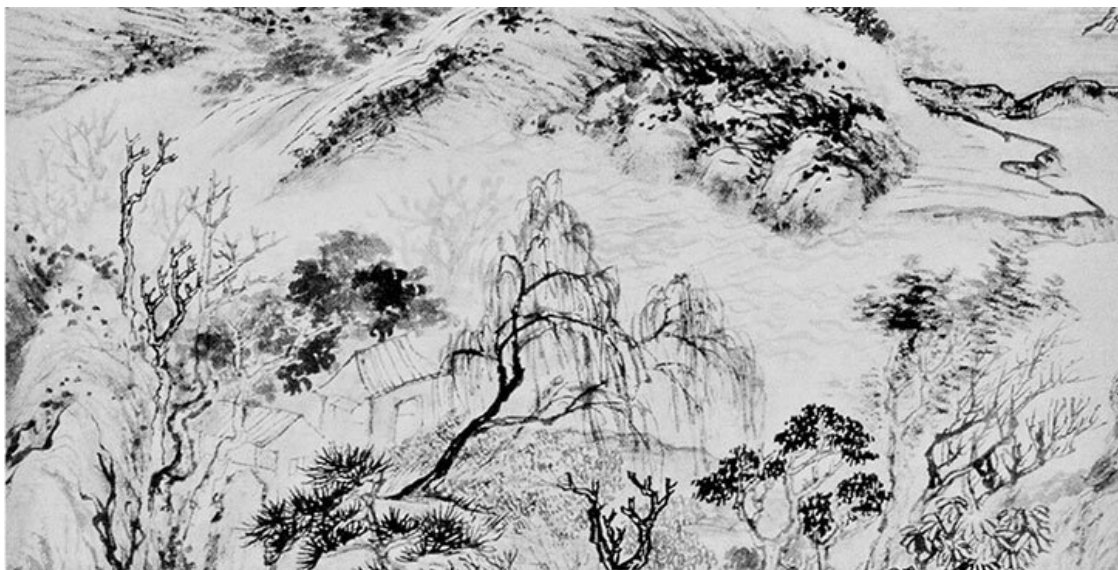
– К северу от мест, где кончается растительность, есть непроглядная пучина. Это небесный водоем. Там рыба шириной в несколько тысяч верст. Кто ж знает, сколько она в длину? Зовут ее Перва. Есть еще и птица. По имени Втора. Спина – как гора великая. Крылья ее – облака, плывущие в небе. Взмахнет, изогнувшись бараньим рогом, и взлетает ввысь на девяносто тысяч верст. Уносится за пределы волн облачных вздохов, спина ее – синий небесный свод. Оттуда отправляется к югу, чтобы добраться до непроглядной пучины юга.

Смеется над ней болотная перепелка: «Куда ж она собралась? Я взлетаю прыжком. Поднимаюсь на несколько сажень, чтобы потом приземлиться. Парю без забот среди кустов и зарослей трав. Таковы пределы полета. А она зачем-то полетела на юг».

Вот как различаются малое и великое.

Цели перепелки и цикады отличаются от целей великой птицы, превратившейся из рыбы в сознании того, кто начинает познавать неведомое доселе.

Широтой познаний один подходит для должности малого чина, а другой видит, как целый край привести в порядок. Третий по силе духа может управлять царством, делами своими заслужив доверие целой страны. Каждый из них видит себя в границах своего мира, где способен управиться с задачами, стоящими перед ним.

Некогда Наставник Цветущий смеялся над подобными взглядами и общепринятыми оценками. Если его за успехи хвалили, он не начинал стараться еще больше, чтобы снова заслужить похвалу, когда же его порицали и ругали, не чувствовал раскаяния. Это потому, что он точно видел, где проходит граница между внутренним и внешним. Умел различить, где грань, что отличает позор и славу. В том и суть. В миру его будто совсем не трогали мирские дела. Так выглядело, а на деле в душе не было настоящего мира.

Вот Наставник Ряд странствовал, оседлав ветер. В своей бесстрастности был совершенен. Мог вернуться через десять дней, а мог через пятьдесят. Вроде и стремился дойти до предельного совершенства, но казалось, что нет в нем желанья достичь совершенства. Выглядел совсем безмятежным. А все же чего-то ждал.

Только когда в своих странствиях рулишь правдой Земли и Неба, держишь в руках превращения шести сил дыхания мира, тогда устремляешься к бесконечно непостижимому. Тогда ничего не ждешь, ни от чего не зависишь.

Потому говорится:

«У постигшего все исчезает личность.

Осознающий себя не имеет заслуг.

Высшая мудрость никогда не есть достижение известности и славы.

Ибо все, что происходит, случается лишь в сознании мира».

А вот царь Славный, желая уступить правление Поднебесной Позволившему Случиться, говорил:

– Восходят солнце и луна, а огонь в светильниках не гасят. Разве не труднее освещать мир светильниками? Своевременно выпадают дожди, а продолжают поливать поля? А ведь тяжел труд поливающего поля.

Вы, великий человек, просто пребываете в бездействии, и в мире вокруг вас устанавливается порядок. Я понимаю, что занимаю чужое место. Я чувствую, что непригоден для этого дела. Позвольте передать вам управление страной.

Позволивший Случиться отвечал:

– Государь управляет страной, и в стране царит порядок. Зачем мне менять вас на этом месте? Что мне принесет это правление? Известность? Но ведь имя – лишь отражение настоящего, его сути. Я превращусь в отражение настоящего мира, стану ненастоящим.

Маленькая птица гнездится в густом лесу, но нужна ей для гнезда одна ветка.

Полевая мышь пьет воду большой реки, но хватает ей столько, сколько войдет в брюхо.

Зачем мне ваша страна? Когда повар не справляется с делами на кухне, не может навести порядок, заменит ли его там ведающий священными обрядами? Хотя у него тоже есть сосуды, куда кладут вино и мясо.

Позволивший Случиться понимал, что происходит на самом деле.

Широкий Душой спросил у Старшего Связей:

– Когда говорил Вяжущий Колесницы, он рассказывал мне о великих вещах. Только непонятно, для чего это было? Речь его уводит в такие области, откуда возврата нет. Встревожили и напугали его слова. Они безграничны, как течение Млечного Пути на небе. Пути его велики и ведут за пределы обыденных представлений. Не похоже все это на переживания простых людей.

Старший Связей спросил:

– А о чем он говорил?

– О том, что на далекой горе Женских чар живет отшельником волшебник. Телом он бел, как лед и снег. Красив, как придворные девы. Питается не пятью видами зерен. Дышит ветрами, пьет росу. Путешествует на силе дыхания облаков. На летящих драконах странствует за пределы четырех морей. Когда он сосредоточен духом, вокруг все находится в мире и безопасности, а хлеба на полях дают богатые урожаи. Я подумал, что это безумие, и не поверил его речам.

Старший Связей сказал:

– Со слепым не очень-то полюбишься красотой узоров, а с глухим не обсудишь качество звука барабана и колокола. Бывают люди с ущербами тела, которые выражаются в слепоте и глухоте. Бывает у людей ущербность и в области духа. К таким речам они отнесутся, как ты.

В сознании человека высших качеств объединяется множественность всех предметных связей. В мирских же делах все постоянно разлаживается, и люди хотят, чтобы к управлению пришли прозревшие и навели порядок. Для достигшего нет ничего, что может ему повредить. Пусть будет великий потоп до небес, он в нем не утонет. Пусть в великой засухе плавают камни и металлы, сохнет почва, трескаются горы, ему не будет жарко. Из пыли, грязи, мякины и соломы он способен сотворить шедевры, достойные имен царей древности Славного и Великого. Только служить делам и предметам у него не возникнет желания.

Человек в царстве Лесном занимался изготовлением шапок с узорами. Повез их продать в царство Превосходное. А там люди не носят головных уборов, стригутся коротко, на теле делают татуировки. Ничего не сумел продать.

Царь Славный из рода Ясных навел порядок в мире, правя людьми. Всех утихомирил и успокоил в своем царстве. Захотел познакомиться с четырьмя мудрецами, живущими в далеких туманах гор Женских чар. Это к югу от реки Разделяющих вод. Так он очаровался их учением, что погрузился в него полностью и даже забыл о своем царстве, бросив его навсегда.

Наставник Добряк сказал Наставнику Силе:

– Мне правитель из Скалистого царства подарил семена большой тыквы. Посадил их, и выросли огромные плоды. В каждый вместится по десять ведер. Только воду нельзя налить,

так как кожа тонкая, сделаешь сосуд для воды – поломается от своего же веса. Попробовал разрезать на черпаки, но и они такие здоровые, что нигде не применишь. Тыквы были совсем не маленькие, а вот из-за того их и невозможно употребить. Пришлось разбить на части.

А Наставник Сила в ответ заметил:

– Да, не очень-то ты умеешь применять великое. Послушай-ка, что я тебе расскажу об этом.

В царстве Лесном жила семья, которая владела секретом делать снадобье, предохранявшее руки от воды. Оно так защищало кожу, что при работе в холодной воде не появлялось трещин, а тело не немело. Поколение за поколением семья мочила вату из шелка. Один проезжий купец, узнавший об этом, предложил продать секрет за сотню золотых. Всем родом собрались на обсуждение. Звучали такие речи: «Мы в течение многих поколений мочим вату из шелка, а не сумели скопить и нескольких золотых. Теперь за раз можем получить сразу сотню. Нужно продавать».

Гость, купивший секрет, рассказал о нем правителю Громкого царства. А тот вел затяжную войну с Превосходным царством. Правитель из Громкого направил войска в Превосходное, назначив командующим нашего гостя. Война велась зимой, в основном на воде. Воины из Превосходного царства потерпели большое поражение. Правитель пожаловал земли Превосходного ему в удел.

Смотри, один секрет снадобья, предохраняющего кожу от холодной воды. Воспользовались им по-разному. Этот человек, применив его, получил в управление царство, а другие лишь шелк мочили. Так что можно по-разному всем воспользоваться.

Есть у тебя тыквы объемом в пятьдесят литров, а ты и не подумал, что можно из них лодку сделать, чтобы через реки переправляться или по озеру плавать. Огорчаешься, что огромный ковш не можешь никуда пристроить. Похоже, друг мой, что в голове у тебя нет ясности по этому поводу. Великое в твою голову не помещается. Вот и всё.

Наставник Добряк рассказал Наставнику Силе:

– Есть большое дерево, люди его называют вязом. Огромный ствол весь покрыт наростами. Так что бревно из него не сделаешь. Мелкие ветки сильно скручены, ни с линейкой, ни с циркулем не подойти. Прямо на дороге стоит, а плотник на него и не взглянет. Ты, мой друг, всё речи ведешь о великом, а пользы в них никакой. Вот люди и не верят таким речам.

Наставник Сила ему в ответ:

– Похоже, мой друг, ты никогда не видел дикого кота. Он ползет, распластавшись, прячется, подстерегая жертву. А то как прыгнет, метнется в сторону для забавы. Ему все равно, высоко или низко, вверх или вниз. Кажется себе неуязвимым, но часто попадает в капканы себе на погибель.

А к примеру, як – он огромный, как облако в небе. Этого можно назвать великим. А мышей ловить не умеет.

У тебя, друг мой, есть огромное дерево, и тебя огорчает, что нет ему применения. Так посади его в своем сознании там, где нет ничего, в безграничности шири безбрежной. Скитайся вокруг без дел и забот. В бесконечности времен странствуй, в безмятежности духа спи, отдыхая под деревом этим. Не закончит оно раньше времени век свой под топорами плотников. Ничто не разрушит его. Ибо нет от него пользы, потому и вреду случиться не с чего.

Свиток 2. Равновесие предметов

В разные времена мира было много разных деятелей на полях сознания, пространства-времени, обитаемой вселенной. И стремились они постичь непостижимое, будучи частью мира сознания. Неотделимые от среды своего обитания духа, все равно тщились подняться над полем, ухватить его сверху, охватить и вместить, дабы пробраться в сокровенную суть происходящего.

Вот как-то раз, в былые далекие времена глубокой древней среды существования сознания в мире, один из таких странников духа, которого называли Наставником Основ из Южного предместья, сидел, затаившись в источнике сил.

Нужно понимать, что он же не просто так сидел, а что-то в это время делал, и движения, то есть усилия свои, он совершал в поле сознания, там, где действуют потоки внимания и дыхания, вещества духа и вещества воли, где взаимодействуют осязаемое время с осязаемым пространством, откуда появляются образы образов, рыбы рыб и птицы птиц.

Источник сил – это область внимания, которая прячется где-то в пределах тела человеческого, а тело ведь не меньше, чем вселенная. Вполне возможно, что вся игра про птицу и рыбу – это как раз из упражнения Наставника Основ, о чем он и рассказал, вернувшись из своего путешествия внутрь.

Конечно, он применял определенные способы погружения в себя, направляя внимание сначала в Небо, то есть ощущая движение времени во всех сосудах этого мира одновременно. Время – это движение во всех сосудах одновременно. Чтобы изменить состояние своего духа, сделать его прозрачным, нужно накопить огонь, который рождает свет. Каждый вдох порождает горение внутри крови, носителя духа и разума, и потому задержка на вдохе рождает светимость духа внутри.

Наставник по этой причине задержал дыхание и долго был неподвижен. И был он настолько неподвижен, что родилось ощущение, привкус умирания, остановка всех движений жизни. И отпустив дыхание на выдохе, он опять остановил его надолго. И неподвижность в своем ощущении сгустилась и напряглась вокруг тела учителя. Могло даже показаться, что его самого, точнее того ощущения, которое мы обычно отождествляем с той или иной личностью, больше нет в теле. Задержки на выдохе не так-то просто даются, если не упражняться в этом виде развлечений. Тело боится останавливать подачу воздуха на выдохе, когда нет запасов. Оно начинает пугаться и трепетать.

Как говорится, коли есть учитель, то и ученик у него найдется. Рядом с улетевшим в пространство непостижимой неизведанности учителем стоял ученик, и был этот ученик предан учителю самозабвенно и радостно. Он стоял рядом, желая научиться и обрести то, что есть духовного у его учителя. Потому-то преданный ученик, желающий постичь и понять, по прозвищу Мудрый Бродяга, стоял рядом. Он долго ждал, утомился уже ждать, терпение потерял,

стал за учителя беспокоиться. Стоял, наблюдая, до тех пор, пока терпение его не закончилось, а потом сказал, обращаясь больше к себе, но в то же время беспокоясь за своего наставника, тело которого застыло в полной неподвижности, не подавая признаков жизни:

– Где ж вы сейчас находитесь? Тело ваше – как мертвое, высохшее дерево. Видно, и дух стал подобен мертвому пеплу. Ведь понятно, что, погрузившись в источник сил, вы переменялись и вернетесь оттуда уже иным, не таким, каким были теперь, сидя здесь же.

То есть, конечно, понятно, что каждое движение дыхания меняет человека, в первую очередь меняя его сознание. Сознание вообще меняется только через дыхание. Ибо переживания, то есть волны, на которых колышутся образы, вызывают переживания будущего и прошлого, соединяют эти две несводимые в единое грани и постоянно подсказывают пути возможного развития обстоятельств.

Однако понятно-то оно понятно, только чаще всего замечаешь, что изменился, только тогда, когда дышишь долго и шумно, когда переживания уже захлестнули и управляют тобой, а ты ими, в свою очередь, не управляешь. Хотя нет у тебя других задач в этом мире, кроме как научиться управлять своими переживаниями. Управлять – значит сдерживать, когда они еще не разволновались, то есть ты сам не разволновался. Потому сложнее всего, но и важнее всего поймать это движение времени в малом миге, когда волна захватывает тебя и выносит из состояния покоя в состояние...

Правильно, беспокойства.

Если ты потерял состояние покоя, то обязательно окажешься в состоянии беспокойства. А где же еще? Ловить изменения необходимо тончайшим усилием сознания, заметив и осознав изменения качества духа внутри дыхания. А вот представь себе, как ты можешь измениться, выдохнув один раз и не вдохнув после этого?

Наставник, который в своей безмятежной прозрачности услышал бормотания преданного ученика, не открывая глаз и не меняя положения тела, ответил:

– Это хорошо, друг мой, что задал ты мне этот вопрос. Ты хочешь узнать, что произошло с моей личностью, когда я погрузил средоточие своего духа в источник сил?

Действительно, во мне исчезла личность. Куда она делась и что появилось на ее месте? Если есть место, где она была, конечно. Потому что в действительности личность существует не в месте, а во времени. Ты можешь это понять?

Ты же воспринимаешь этот мир, слыша лишь звуки, выходящие из отверстий человеческой дудки. А чтобы понять сказанное мной, мало уметь слушать и слышать звуки человеческой музыки.

Слышал ли ты великую музыку мира? Знаешь ли ты, как звучит Земля? Внимал ли звукам, что слышны из отверстий земной дудки? Их ты слышал? А даже если ты и слышал звуки земной дудки, все равно ведь не слышал ты дудку Неба.

Мудрый Бродяга удивился такому повороту событий и в смятении, конечно же, стал спрашивать учителя:

– Позвольте мне побольше узнать об этом, растолкуйте мне, что это за образ?

Наставник Основ ему ответил:

– Вот все, что ты видишь и ощущаешь, есть великий ком мира. То есть мир – это одно единство, соединенное друг с другом в предметных множествах осознаваемого пространства времени, как кусочки земли в большом ее комке. Дыхание, которое наполняет Землю, то есть наш мир, находится в постоянном движении, ибо единый выдох-вдох проникает все поры и сосуды этого мира. Ком этот выдыхает воздух, и имя его – ветер. Так вот, и действий вроде нет, а когда работает, тогда десятки тысяч дыр гневно режут. Ты разве не слышал ветра протяжный вой? Как шумит он в горных лесах на отвесных кручах, в дуплах огромных деревьев в сто обхватов, и слышны в нем звуки, как будто выходят из носа и рта. Звучат и стволы, и кольца, и ямы, и омуты, и пещеры. То бурлит, то свистит, то хрипит, то сипит, то визжит, то рычит, то гудит, то звенит. Сначала запоет один голос, а потом и следующий подхватит.

Прохладный ветерок – это малый лад, а вот ветер бури – это великий лад. И если поднялся грозный ветер, значит, множество отверстий стали пустыми. Когда ты уже и не ощущаешь движение ветра, после него повсюду в мире все еще колыхание и шевеление.

Мудрый Бродяга сказал:

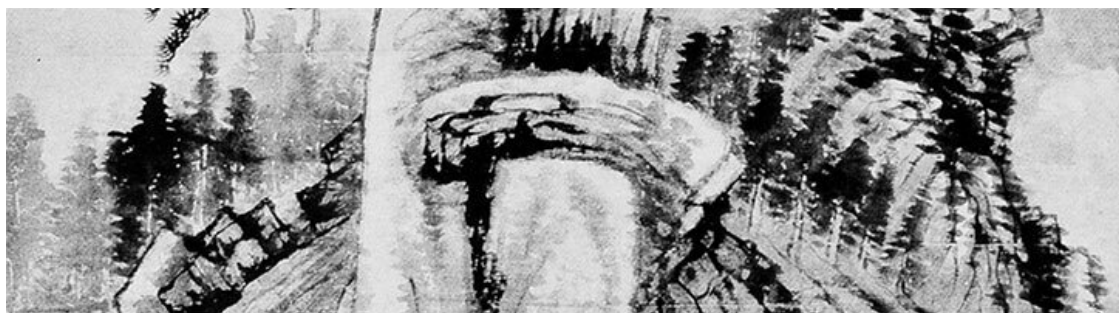
– Тогда понятно, что дудка Земли – это всего лишь множество дырок, а дудка человека – это только отстроенный бамбук. Позвольте спросить, какова же небесная дудка?

Наставник Основ ответил:

– Все в этом море времени дышит, и все дыхания имеют десять тысяч оттенков и различий. Потому-то они образуют созвучия и возбуждают друг друга или останавливают движение, воздействуя друг на друга. Всеобщностью связей мира они действуют во всем. Нужно ли кому-то прилагать старание, чтобы они напряглись и пришли в движение? Кто это все делает? А музыка звучит за пределами звуков и звучаний. Такова музыка небесной дудки, которая пронизывает все сущее единой сетью связей общего дыхания.

Великий разум раскрыт, и нет в нем границ, он не проводит различий, а малый разум – это всегда лишь границы и разделения, без которых он и существовать-то не может, постоянно различая, оценивая и отличая одно от другого.

Речи о великом разуме – это вспышки озарения, а речи о мелком человеческом рассудке и его законах – это всегда суетливое пустословие.

Души постоянно пребывают во мраке сна, и в своей омраченности они цепляются друг за друга, и лишь пробуждение души приводит к освобождению от телесных оков. А если не

пробудился, то все время проводишь в общении, лепясь и приставая друг к другу, целыми днями все воюешь в своем уме.

И связи, которые ты сам строишь и создаешь, такие неразрывные, глубокие, крепкие, что сам ты их уже и не способен разомкнуть. А они тревожат тебя, создавая ощущение одиночества и несвободы. Потому ты постоянно пытаешься разорвать эти связи, ощущая от этих усилий тревогу и отчаяние. Так рождается постоянство состояния страха в твоей душе.

Малый страх выражается лишь как тревога в лице, а вот великий страх вечно сопровождает тебя и пронизывает всю ткань твоего бытия, являясь самым верным спутником в странствии твоей заблудшей души.

А речь, которая постоянно звучит в твоём внутреннем пространстве, может превратиться в действие совершенно неожиданно, будто ты непреднамеренно, по неосторожности нажимаешь на спусковой крючок арбалета, и всё. Выпущенная стрела полетела искать свою цель, притягивая к ней и тебя самого, через череду обусловленных во времени действий.

Ты пытаешься управлять происходящим, говоря ему «да» и «нет».

Правда, редко что получается от этих утверждений и отрицаний.

Через зарок и клятвы ты пробуешь сдерживать себя речами.

Так что, если умеешь управлять своей речью, то можно сказать, что уже победил, справился с основной задачей своего существования. То есть рулить уже хотя бы научился.

В мире природы осень и зима, завершая процесс, уничтожают живое, а в речах этому соответствует уменьшение день ото дня потока слов, произносимых тобой. То есть ты таким образом сумеешь уменьшить свою подвижность, приводящую тебя и к внешнему и внутреннему беспокойству. Эта подвижность раскачивает чувства, меняет оценки и заставляет тебя производить бесконечное количество бесполезных действий в попытках управлять потоком будущих ценностей. Но тщетно.

Ведь человек просто тонет в море дел, с которыми неразрывно связал себя так, что не может вернуться к начальному себе, когда в дела еще не окунулся со страстью. А именно страсть, то есть неуправляемое движение чувств, суматоха их хороводов, взметает листву образов с полян осенней земли увядающего духа.

Он постепенно закрывается от внешнего мира, проникающего в него тревогами и огорчениями, заставляющего шевелиться, и, если не умеешь танцевать в потоке изменений и превращений призраков внешней действительности, приходится постоянно делать дела, чтобы защититься от мнимых и действительных угроз. Обозначить точно отличия мнимого и действительного тоже не очень-то получается. Потому приходится воевать просто с угрозами и извне, и изнутри. Так что человек нитями дел зашивает отверстия сообщения с миром, а потом в старости кается, что жизнь свою прожил впустую. И даже не просто потратил свою жизнь на незначимые пустяки, а еще и наворотил кучу сложностей, с которыми придется разбираться его потомкам.

Такты постоянно заглядываешь за грань потока жизни, ибо именно оттуда, из холодного бездонного водоворота северной тьмы, непроглядности бесконечно огромной рыбы, и приносит вихрь сомнения и страхи. Все ведь потому, что боишься взглянуть в лицо своему главному страху. Страху ясного взгляда в глаза неведомому. И тогда ты душой своей прикасаешься к грани, за которой смертная тьма, а после этого никакими силами не сумеешь уже вернуться к свету жизни.

Хороводом движутся чувства в пространстве твоего сознания, цепляются друг за друга, переплетаются в волокна причудливых узоров ткани событийного мяса – расположение и раздражение, печаль и радость, обольщения и огорчения, изменчивость и тревога, легкомыслие и несдержанность, распущенность и развратность сменяют друг друга, накладываются друг на друга, смешиваются в самые причудливые смеси, в которых уже и сам черт ногу сломит. Ничего не разобрать.

Все эти переживания – как звуки песен, что слышатся, бывает, из пустоты, когда сидишь один в тишине. Они, по сути, как плесень, появляющаяся из сырости. Просто вырастает, и всё.

Подобное переживание жизни тянется в непрерывной смене дней и ночей, и разве поймешь, где начинается бесконечная цепь превращений, где она заканчивается?

И нечего больше к этому добавить. Хватит. Все это очень просто, как утро и вечер, время, которое входит в тебя, потому и живешь.

Всё ведь – это отношения людские, направленные вовнутрь, направленные вовне, отражающиеся друг в друге.

Что такое «Я»? Кто это такое или кто это такой?

Когда нет другого – неоткуда взяться тому, что мною называется «Я». А нет меня, или так называемого мною «Я», тогда нечем и некому воспринимать то, что приходит извне.

Все это, происходящее в моем мире, так тесно связано со мной, так близко находится рядом, почти неотделимо от меня. А нет возможности понять, чем оно направляется? И где проходит эта невидимая граница, разделяющая мир и «Я»? Как ее различить и увидеть?

Обязательно должен быть тот, кто на самом деле правит во мне всем этим, только ошутить и уловить его не выходит.

Если бы он проявлялся во внешних ощущениях, так можно было бы и поверить, что есть. Однако не видно его явленной плоти. Нечем ошутить его движения, потому что все закрывается этим странным образом, что я называю «Я». Каждый раз, когда я говорю «Я», что-то происходит со мной, как будто еще одна пленочка нового мыльного пузыря играет своими искрами в бесконечной череде определений в потоке этого самоназывания.

Есть лишь подозрение, что существует сила, направляющая все потоки, что проходят через меня. А ошутимости нет.

Вот есть в твоём теле сто костей, девять дырок, шесть потрохов, и ты, бултыхаясь в таком вот супе-сиропе, во всем этом и существуешь.

Так с чем же это «Я» так плотно срослось? К этому «Я», что ли, все привязано здесь? Все от него зависит?

На что же направлены твои предпочтения в твоих привязанностях? Кем мнишь ты себя, пребывая в своем теле и в теле этого мира? А в мире, во всех действующих лицах, повсюду тебе мерещатся будто слуги и жены. И ты никак не можешь порядок навести среди слуг и жен в своем доме.

А может быть, люди время от времени меняются положением хозяина и слуги?

А еще может быть, что есть во всем этом настоящий хозяин?

Только вот наладить с ним общение никак не удастся.

Можно делать попытки понять его истинную суть, а можно и не пытаться. Тебе, твоему «Я» не будет от этого ни вреда, ни пользы.

Так уж случилось однажды, что выдали тебе все, что составляет твоё тело. Так что лучше его не губить в ожидании закономерного конца.

Можно, конечно, во всем соревноваться со всеми, биться и спорить с другими людьми, подобными тебе, стараясь утвердить и доказать свое превосходство. Но этим лишь ускоришь приближение конца. А есть ли здесь хоть кто-то, способный остановить это бессмысленное и бесконечно повторяющееся движение?

Похоже, что нет. Вот от этого-то и вся печаль!

До конца дней своих будешь стараться в трудах своих суетных, а ничего и не достигнешь по существу. Пребывая во мраке своих заблуждений, будешь напряженно трудиться. Только вряд ли поймешь, куда нужно идти, чтобы вернуться в начало.

Так ничего важного и не поймешь. Вот в этом-то и вся беда!

Человек может, конечно, думать и говорить, что никогда не умрет. Может и усилия по этому поводу предпринимать, стараясь отдалить свою неизбежную кончину. Только что в этом толку?

Нужно просто понять, что как случаются превращения тела, так вместе с телом происходят и переходы духа. Разве для обычных людей не в этом великое горе?

Все люди в силу самой своей жизни пребывают во мраке заблуждений. И совсем не стоит думать, что все заблуждаются и только один я не пребываю во мраке. Мы уже говорили выше про это самое «Я».

Ты думаешь, что все действует по правилам, образцом для которых являются движения твоего ума? Ну тогда все здесь направляются только этими правилами.

Стоит, кстати, проверить действительную надежность и успешность применения этих правил. Еще можно предположить, что существуют и те, кто постиг законы превращений мира. Но вокруг них живут ничего не понимающие глупцы.

Ты даже не понимаешь, как действует ум твой в мире, но судишь об истине и лжи по своему разумению. Тогда ты подобен парню, который отправился в другой город сегодня, а приехал туда вчера.

Представляешь себе то, чего на самом деле нет.

А когда представляешь то, чего на деле нет, то, обладай ты хоть разумом мудрейшего царя Усмирителя Вод, ничего не сумеешь понять. Что ж с тебя взять, коль дело так?

Все это были речи о разуме и его устройстве, а теперь пришло время поговорить о речах.

Речи – это не просто озвученный выдох. В основе любых речей есть то, чем они побуждаются. Но пока ты его не изрек, определить его невозможно.

Есть ли оно, если его не изречь? Или оно появляется только в речи и вместе с речами? Ведь в речи есть то, что отличает ее от писка птенца. Можно ли определить это различие? А может, нечем его различить?

Почему же человек не видит, что есть Путь?

Отчего он настоящее превращает в искусственное?

Почему слова скрывают и путают, а из этого получаются правда и неправда?

Почему при этом Путь есть везде, куда бы ты ни обратился?

Отчего речь такова, что с ее помощью можно изречь все, что хочешь?

Путь скрывается за стремлением к мелочным достижениям и успехам, что способны, по твоему мнению, возвысить тебя в глазах других людей. Это заблуждение. И люди о тебе судят, руководствуясь скорее своими заблуждениями, нежели справедливостью и прозорливостью. С этим у нас, у людей, значительные сложности. Зеркала-то кривые повсюду, и особенно внутри.

Смысл в речах прячется и исчезает в красивости оборотов. Ибо постоянно хочется приукрасить, особенно то, чего сам со всей ясностью видеть не можешь. А так хочется, чтобы другие оценили, поставили тебе «пятерку», потому и прикручиваешь немножечко кружевного на все, что проходит перед твоим внутренним и внешним взором, когда вещаешь это в слушающее тебя ухо.

Потому-то появляются правда и неправда последователей школы Просвещенного и Чернильного. Эти последователи постоянно ведут друг с другом споры, нескончаемые и бессмысленные, пустые и глупые, как и их прозрения по поводу устройства разума в мире.

Первые отрицают то, что утверждают вторые, утверждая то, что отрицается теми.

А когда утверждаешь то, что отрицается, и отрицаешь то, что утверждается, никогда не достигнешь ясности сознания.

В мире во всяком предмете (а каждый предмет – это предмет сознания) всегда есть и это, и то.

Когда смотришь на мир из положения в сознании, которое называется «оттуда», то, конечно же, видишь только то, что тебе оттуда видно, а всего оттуда никогда не видно. То есть ты обязательно чего-то не видишь. Если переместишь свою точку зрения и глянешь из положения, именуемого «отсюда», то, понятно, сможешь увидеть отсюда то, что оттуда не видел. Так что можно заключить, что то есть производное из положения «оттуда» или «там», а это появляется лишь при взгляде из положения «здесь», то есть «отсюда». В этом случае понятно, что это определяется тем.

То же самое можно говорить и об отношениях смерти и жизни. Только с рождением, то есть жизнью, появляется смерть как возможность, а в смерти всегда есть и жизнь, хотя бы та, которую ты проживаешь здесь.

Только из допущения возможности вытекает невозможность остального, то есть утверждать нечто ты можешь, только отрицая что-то еще. Следовательно, из утверждения возникает отрицание, а из отрицания появляется утверждение.

Ясно видя все это, мудрый не ищет причин и следствий, а смотрит на все через ощущения света небесной силы. Так он и управляется с происходящим.

Но нужно помнить, что и в этом есть то, и в том есть это. А потому и в том есть вся правда и неправда, и в этом есть вся правда и неправда.

Но вот вопрос, а есть ли на самом деле то и это? Или того и этого в действительности нет? И если оно есть или его нет, то где оно есть и где его нет?

Только там, где то и это не отражаются друг в друге, проходит основная ось Пути.

И ось эта проходит через середину великого круга. Оттуда она связана со всем, что есть, и она непостижима для обыденного сознания, хотя проявлена в каждой мельчайшей частице бытия вселенной. Так что, выходит, и правду нельзя постичь, и неправду нельзя постичь.

Основываясь на этом, и говорят, что ясность ума важнее всего.

Обычно берешь палец, то есть указатель или знак, чтобы показать то, что в пальце (в указателе, знаке) не является частью этого указателя, в нашем случае пальца. Но будет лучше, если для этих целей взять то, что не является указателем и знаком, то есть не несет в себе собственного значения и сути, чтобы показать то, что в пальце, то есть знаке, не является этим знаком, то есть пальцем.

Берешь лошадь в качестве знака, чтобы показать то, что в лошади не является лошастью, то есть имеет отношение к знаку, а не к лошади, или к лошади, а не к знаку. Ибо и лошадь, и палец – это лишь знаки, которые указывают через отдельный набор признаков или один признак на предмет, определяя его суть и сущность для воспринимающего этот знак. Лучше взять то, что не является лошастью, чтобы показать то, что в лошади не является лошастью.

Однако это не связано с размерностью или дробностью, делимостью мира сознания в человеческом сообществе. Ибо Небо и Земля, то есть вселенная в соединении времени и пространства в одной точке сознания, могут выступать как один палец.

И десять тысяч предметов могут указывать на лошадь, так что, говоря о множестве предметов, мы подразумеваем «одна лошадь».

Образные ряды возможности и невозможности находятся в постоянном взаимодействии и переплетении в сознании человеческом. Ибо вне оценивающего и оценочного сознания они вообще не существуют.

Возможно то, что определяется тобой как возможное.

А невозможно то, что определяется тобой как невозможное.

Когда идешь по Пути, тогда он и есть. То есть появляется твой Путь лишь как действие твоего духа, и если ты это действие совершаешь, то он есть. А если по каким-то причинам ты не совершаешь действие духа, которое является твоим движением по Пути, то и самого Пути ты не ощутишь и не увидишь.

Предмет обладает таким свойством, когда его таким определишь. Откуда возникает такое. Такое – из такого. То есть из определения его таковым.

А что в нем не такое? А не такое – это то, что не так. То, что не согласуется с определяющим его свойством.

Откуда же возникает возможное?

Возможное вытекает из допущения в своем сознании возможного.

Откуда возникает невозможное?

Невозможное из допущения в своем сознании невозможного.

В предмете, конечно, есть то, что делает его таким, то есть его главное свойство.

В предмете, конечно, есть то, что дает ему возможность существования в виде названного предмета сознания.

Отсутствуют предметы, которые не такие.

Отсутствуют предметы, в которых нет возможности.

Для примера возьмем былинку и балку, проказу и красоту Западной Красотки, искренность и обман.

Только Путь проходит через все, соединяет все противоположности в одно единое.

Только в различиях и может проявляться целостность, а из целостности вытекает то, что разъединяет и разрушает.

Не может быть предметов полностью целостных или полностью ущербных.

Все они крутятся вокруг единого.

Кто это постиг, знает, что все друг с другом связано, будучи единым. Потому он и не использует образы, чтобы указать на обычность неизменности. Обычное и используют. Пользу обретают через проведение связей. Проведение связей – это установление сообщения.

Когда постигаешь, как производится установление сообщения, приближаешься к сути познания. Двигаясь дальше, доходишь до последней границы, где и постигаешь свою собственную суть.

Если постиг свою суть без познания такого или не такого в ней, то это переживание можно назвать Путем.

Когда же стараешься достичь единства во всеобщей ясности, не понимая, что и так един со всем, это можно описать притчей «Утром три».

Что же описывает притча «Утром три»?

Хозяин давал обезьянам желуди. Сказал, что утром даст три части, а вечером четыре. Вся стая обезьян разгневалась. Тогда хозяин сказал, что утром даст четыре части, а вечером три. Вся стая обезьян обрадовалась.

Ничего не убавилось и не прибавилось ни в словах, ни в сути. А вот на проявление радости и гнева подействовало. Это воздействие было произведено высказыванием, в котором было утверждение и которое в этот миг подтвердило ожидание обезьян.

Потому мудрый человек ищет лада во взаимодействии утверждений и отрицаний, убирая вечно существующие между ними противоречия, достигая равновесия в себе небесных сил. А небесные силы – это движение осязаемых потоков времени в теле человеческого сознания. Это можно назвать двойным движением.

Люди древности знали, что познание имеет границы и к этим границам как раз следует направлять знание. Так куда же устремляли поток своего познания люди древности?

Они устремляли его туда, где находится то, что есть, когда еще не началось существование предметов. Таков предел устремления знания. Этим все исчерпывается, и к этому ничего не добавишь. Дальше знанию двигаться уже некуда. Дальше только бездна.

Познание следующего уровня предполагает, что есть предметы в сознании, но нет меж ними границ, разделяющих их. То есть в пространстве сознания уже существуют предметы, но так как знание туда еще не проникло, то и разделения этих предметов на отдельные предметные проявления еще не произошло.

Познание следующего уровня предполагает, что есть границы, разделяющие предметы, но нет еще утверждения и отрицания. То есть здесь нет еще оценочных суждений, и в последовательности движений сознания существует порядок. Порядок этот не соотносится с внутренним временем, а представляет собой узор, который обычное сознание личности ухватить не может.

Когда начинают выноситься оценочные суждения и посредством утверждения одного производится отрицание другого, и ты видишь, что в сознании есть утверждение и отрицание, это значит, что происходит разрушение Пути. То есть начинается разрушение истинного видения мира, и в состоянии оценочных суждений истину ухватить уже невозможно, а потому и Пути нет.

Потому что пребывать на Пути – значит пребывать в истине. Это состояние, когда каждое мельчайшее движение твоего сознания в теле этого мира соотносится с истиной.

Что разрушает Путь, то создает любовь.

Человек нуждается в понятии любви, то есть вводит обозначение определенного состояния своего внутреннего мира, называя его любовью, тогда, когда истины уже нет. Это попытка восстановить эту истину, вернуться на Путь.

Хотя если посмотреть глубже, то вполне можно и усомниться в наличии действительного созидания и разрушения. Так есть ли действительно созидание и разрушение? Или в пространстве истины нет созидания и разрушения?

На это можно ответить примерами из прошлого.

Созидание и разрушение появляются тогда, когда Сияющий Письменами играет на гуслях. Когда Сияющий Письменами не играет на гуслях, нет созидания и разрушения.

Что это значит? Сияющий Письменами считал, что нет лучшего способа познания мира, чем игра на гуслях. По этой причине он очень любил играть на гуслях.

Любовь Сияющего Письменами к игре на гуслях была такой же горячей и сильной, как и способность Наставника Светлого точно держать ритм или умение Мудрого Добряка возвышенно рассуждать под платаном. То есть каждый из этих людей больше всего любил то, что он умел лучше всего делать, и требовал такой же любви от всех людей вокруг. Потому у этих трех господ это был способ приблизиться к пределу познания.

Все они достигли известности и через свои способности прославились в веках. А от других они отличались лишь особой любовью к чему-то. Хотели других просветить своими лич-

ными пристрастиями. Только через подобное просвещение невозможно обрести ясность сознания. Потому и пришли к концу жизни во тьме заблуждения, пытаясь понять, чем отличается белое от твердого.

Сын Сияющего Письменами всю жизнь старался сравняться в музыке с отцом, но так у него ничего и не получилось. Можно ли это назвать достижением совершенства?

Если совершенство – в выражении своих пристрастий, то их у нас у всех хватает, и следовательно, каждый достиг своего совершенства.

А если это не называется достижением, тогда ни в ком нет совершенства, включая меня, говорящего о совершенстве. Ибо тогда совершенства в достижении вообще нет.

В этом случае и предел познания мудрого человека является лишь отблеском сомнительного хитроумия.

Можно пользоваться и такими достижениями, но в своем сознании нужно пребывать в состоянии обыденного постоянства. Такое состояние можно определить как ясность.

Все, что было сказано выше, – что это?

Скажу теперь, что все это лишь речи. Ты никогда не можешь быть уверен, строя в речах изложения образных рядов: совпадет ли образный ряд с правдой, или не совпадет этот образный ряд с правдой? Хотя это на самом деле совсем не важно. Образные ряды могут совпадать или не совпадать, но вместе сами совпадения и несовпадения создают свои образные ряды, и тогда уже, по сути, нет отличий этого образного ряда от других образных рядов.

Итак, теперь я попробую использовать речи, чтобы показать, как это происходит на самом деле. Скажем так.

Имеется начало, но имеется и то, что еще не начало быть в начале.

А ведь еще, следовательно, имеется и то, что еще не начало быть тем, что еще не начало быть в начале.

Имеется имеющееся, и имеется отсутствующее.

Имеется и то, что еще не начало быть отсутствием.

Имеется в этом и то, что еще не начало быть тем, что еще не начало быть отсутствием имеющегося.

К чему мы приходим? Оказывается, что вдруг возникает из ниоткуда отсутствие.

Вот вдруг имеется отсутствие.

Как понять, разобраться, действительно ли имеющееся отсутствие имеется или отсутствует?

Вот в данный миг я уже имею названное.

Только не знаю, названо ли названным имеющееся или в действительности так названо его отсутствие?

Потому можно на полных основаниях заявить следующее.

Разве может существовать в Поднебесной то, что больше кончика осенней паутинки?

И разве может быть что-то, что меньше, чем огромная гора?

Нет долголетия больше, чем жизнь умершего младенца.

И как коротка жизнь долгожителя Роскошного Прародителя, который прожил по человеческим меркам немало – почти 800 лет.

Небо и Земля рождаются вместе со мной, а десять тысяч предметов со мной в нераздельном единстве. Именно это происходит с пространством сознания. В нем совсем по-другому действуют время и пространство. А именно пространство сознания вмещает в себя все остальное.

То есть мы говорим, что все же есть нечто единое, но не имеется ли оно только лишь в наших речах?

Вот имеется у нас названное единым, но имеется ли оно, когда отсутствует название?

Единое само по себе уже существует вместе с речью, которая отдельна от единого, и потому вместе с речью мы уже имеем двойку.

Эта двойка, прибавляясь к единому, вместе с единым дает три.

Можно не продолжать, тут самый искусный счетовод, знающий все числа, не разберет, что там дальше будет.

Таким образом, в сознании уже в переходе от отсутствия к имеющемуся есть самое малое три действия. Сравнимо ли это с переходом от уже имеющегося к имеющемуся?

Так происходит, когда приходишь к отсутствию. Там кончается обусловленность связей в утверждении. Отсутствие позволяет разрушить условности существующих смысловых связей. Сам образ отсутствия воздействует на пространство сознания, производя в нем коренные изменения.

Ибо сознание устроено так, что даже если Путь еще не начал проявлять себя имеющимся в наличии, уже изначально имеются границы и разделения.

Постоянство существует только тогда, когда речи не идут о том, что уже имеется. Здесь правят законы перемен.

Как только утверждаешь нечто, тут же и появляется граница в сознании.

Что это за границы? Попробуем выразить их в речи.

Если имеется левое, то обязательно есть и правое.

Если есть отношения, то обязательно будут и уровни соподчиненности в этих отношениях.

Когда производится разделение, тогда появляется возможность различать. Имея разделение, имеешь и различие.

Если есть в людях чувство соперничества, тогда между ними и возникают разногласия, которые выражаются в борьбе людей друг с другом.

Эти противоположности можно определить как восемь сил духа.

Имеющееся за пределами шести соединений в мудром человеке имеется, но не различается.

То, что существует в пределах шести соединений внутри пространственного восприятия человеческого сознания, в сознании мудрого человека тоже выделяется, но не оценивается.

Способность удержаться от действия духа, которое приводит к появлению оценки в сознании, доступна лишь мудрому.

Устремления и проявления воли древних правителей, рассказанные в летописях, в сознании мудрого подвергаются оценке, но никогда не оспариваются.

Это потому, что при любом разделении есть и то, что не делится.

И в любых спорах есть то, чему не возразишь, что невозможно оспорить.
Конечно, можно спросить, о чем это всё?

Но мудрый человек ничего не скажет в ответ, храня молчание. А вот люди толпы начнут спорить друг с другом, каждый доказывая свое. Потому и говорят, что в любом споре всегда есть то, что спорящий не видит.

Великий Путь можно выразить лишь через отсутствие имени.
Великий спор можно вести только в отсутствие речей.
Великая любовь выражается в отсутствии предпочтений.
Великое смирение выражается через отсутствие принижения.
Великая храбрость выражается через отсутствие устрашения.

Что очевидно в Пути, Путем не является.
Что можно оспаривать в речах, не ведет к достижению и успеху.
Неизменность в любви не ведет к сохранению.
Чистому смирению нет доверия.
Храбрость в устрашении не ведет к победе.

Только создавая замкнутые кольца в этих пяти рядах, можно правильно двигаться в пространстве сторон этого осознаваемого нами мира.

Пределом знания является знание о том, как остановиться там, где отсутствует знание.

А есть ли такие, кто знает, как спорить в отсутствие речей, как быть на Пути в отсутствие Пути?

Способного обладать этим знанием можно назвать Хранилищем Неба. Добавляешь туда в него, а оно не переполняется. Черпаешь оттуда, а не убывает. Не знаешь, откуда оно берется. Это называется сокрытым светом.

В старые времена царь Славный обратился с вопросом к царю Смиренному:

– Возник во мне замысел наказать правителей царств Прародителей, Рубящих в Куски и Ждущих Развлечений. Пытаюсь избавиться от него, но даже когда обращаю свой взор на юг к свету, мысли об этом не оставляют меня. В чем дело?

Смиренный ответил:

– Эти трое господ, они живут в тебе, как в зарослях сорняков. Почему мысли о них не отпускают тебя? Однажды в древности сразу десять солнц взошли на небе, опалив все десять тысяч предметов. Можно ли сравнить совершенствование силы духа с появлением солнца?

Щербатый спросил у Неладного:

– Ты знаешь, в чем все согласны относительно правды?

Тот ответил:

– Откуда я знаю?

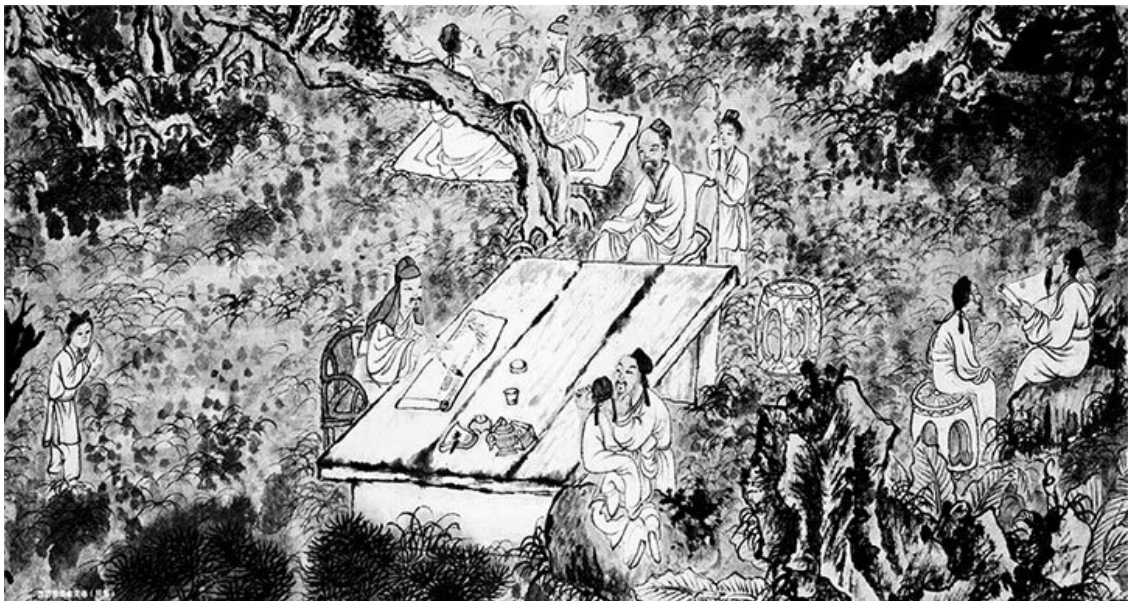
– Может, ты знаешь хотя бы, откуда ты не знаешь?

– Откуда мне это знать?

– Может, вообще никто ничего не знает?

– Откуда мне это знать? Но если ты настаиваешь, попробую поговорить об этом. Откуда тебе знать, что называемое мной знанием не является незнанием? Откуда тебе знать, что называемое незнанием не является знанием?

Давай-ка спросим тебя. Вот человек, если спит в сырости, у него заболит поясница, его даже паралич может разбить, до смерти довести. А угрю что-нибудь от этого будет? Если заставить человека жить на высоком дереве, он от страха с ума сойдет. А обезьяне на этом месте разве так же неудобно? Кто же из них больше знает о правде жизни?

Человек ест мясо дичи и домашних животных. Олени едят траву. Сороконожки любят червяков. Совы предпочитают мышей. Кто из них четверых знает больше о правильной пище?

Обезьяна ищет себе обезьяну в подруги. Олень ухаживает за оленихой. Угорь плавает за другой рыбой. Люди думают, что Придворная Дева и Западная Красотка – красавицы. А рыбы, когда их видят, прячутся в глубине. Птицы от них в страхе улетают ввысь. Олени мчатся в лесную чащу. Кто из них четверых под Небом больше разбирается в красоте?

Посмотри на это с моей точки зрения и увидишь, как запутаны и неясны разумные оценки любви и справедливости, путей правды и неправды. Откуда мне знать, как здесь правильно судить?

Щербатый сказал:

– Если ты не знаешь, что есть польза, а что вред, и не хочешь говорить об этом, то и постигший истину человек, конечно, тоже не знает, что польза, а что вред, то есть никогда не будет говорить об этом.

Неладный ответил:

– Все постигший живет духом. Даже если рядом кипят от жары озера, он не почувствует жара. Даже если морозом сковало большие реки, он не замерзнет. Даже если от мощных ударов грома рушатся горы, а ураган вздымает моря, его это не беспокоит. Если случится такое, он сядет на облако, впряжет луну и солнце и отправится за четыре моря. Смерть и рождение в нем ничего не изменят, так что ему рассуждения про пользу и вред?

Наставник Осторожная Сорока спросил у Наставника Растущее Дерево:

– Учителю Дырову рассказывали, что мудрый человек не напрягается делами, не хочет выгоды, не избегает вреда, отказывается от желаний, не привязан к Пути. Он называет все отсутствием названий, а обозначает отсутствием знаков. Странствует за пределами мирской суеты. Для Дырова это все прозвучало как волшебные сказки о странных мечтах. А я думаю, что так и идут по чудесному Пути. Что ты об этом думаешь?

Наставник Растущее Дерево сказал:

– От таких речей смутился бы и Желтый Владыка, где уж их понять учителю Дырову. Только ты быстро обо всем судишь. Видишь яйцо, а в голове у тебя уже петух кричит на рассвете. Видишь стрелу, сразу же хочешь жаркое из голубя.

Попробую тебе, как сумею, про это сказать, а ты, как сумеешь, это пойми.

Ведь можно быть в движении времени и в сознании вместе с луной и солнцем, управляя таким образом временем и пространством мира. Можно быть одним, общаясь со всем, что существует. Можно отказаться от всех хитростей мутного мира. Только тогда ты увидишь, что возвышение – это обратная сторона низа.

Люди толпы постоянно заняты своими делами, разбираются в них, показывают свой ум, а мудрый человек глуп и дремуч. Он во всем видит путаное многообразие длительностью в десять тысяч лет, а потом к совершенству приходит в одно мгновение. Десять тысяч предметов все до одного всегда есть в мире человеческого сознания, так как все они содержатся в каждом из них.

Откуда мне знать, что наслаждение жизнью – это не заблуждение? Откуда мне знать, что страх смерти – это не слабость духа и проявление невежества? Ведь, умирая, ты просто возвращаешься туда, откуда пришел.

Западная Красотка была чадом пограничника из Полярной области. Отдали ее в жены в царство Восхода. Сначала она так убивалась от горя, что от слез подол платья был мокрым. Приехала в царство Восхода, поселилась в царском дворце, стала спать на царском ложе, стала есть яства из дичи. Жалела потом, что сперва горько плакала.

Откуда же мне знать, что умерший потом не жалеет, что прежде так цеплялся за жизнь? Ибо все это похоже на то, как проходит сновидение.

Во сне напиваешься пьяным и веселишься, а утром, проснувшись, рыдаешь, столкнувшись с обыденной жизнью, с ее сложностями и трудностями. А бывает, во сне рыдаешь, чего-то страшаешься или испытывая разочарование, а утром, проснувшись, летишь на охоту.

Просто, пребывая во сне, ты не осознаешь, что это сон. Пока спишь, гадаешь о том, что тебе снится. А проснувшись, понимаешь, что это был лишь сон.

Но однажды обязательно случится великое пробуждение, и поймешь, что это был великий сон.

Просто по неведению своему полагаешь, что бодрствуешь, и кажется тебе, что ясно понимаешь, кто здесь царь, а кто пастух, уверен, что точно знаешь.

И ты, и учитель Дыров лишь видите сон. А когда я говорю, что вы видите сон, так это вы тоже видите во сне.

Сказанное мной можно считать странным и непостижимым.

Может, через десять тысяч лет встретится великий мудрец, который все растолкует, а может, эти десять тысяч лет – это лишь день и ночь, не более того.

Ты можешь быть со мной не согласен.

Пускай мы спорим с тобой. Ты меня убедил, а я не сумел. Значит ли это, что ты действительно прав, а я не прав?

А если я убедил тебя, а ты не сумел убедить, значит ли это, что я по-настоящему прав, а ты не прав?

Возможно, следует допустить, что кто-то из нас прав, а кто-то не прав.

Может быть так, что мы оба правы или оба мы не правы.

Ты и я, мы не можем разобраться в этом, споря друг с другом. Да и другие не смогут разобраться, кто прав в этом споре.

Мы всегда можем позвать кого-то, чтобы рассудил нашу правду.

Но если у нас получится найти согласного с твоей правдой, так он согласен с тобой и не сможет рассудить нас по правде.

Если найти согласного с моей правдой, так он согласен со мной и не сможет рассудить нас по правде.

Если найти не согласного ни с твоей, ни с моей правдой, так он не согласен ни с тобой, ни со мной. Разве сможет рассудить нас по правде?

Если согласен и с тобой, и со мной, значит, согласен и с моей, и с твоей правдой. Разве сможет рассудить нас правильно?

Выходит, что ни я, ни ты, ни третий не можем прийти к согласию. Будем ждать кого-то еще?

В шуме спорящих голосов будем ждать, кто придет и рассудит. Так это то же самое, что не ждать никого.

Поладить же можно только через достижение равновесия небесных сил, в следовании естественным изменениям. Только в этом случае мы доживем до конца отпущенных лет.

Что я имею в виду, когда говорю о «равновесии небесных сил»? Объясню.

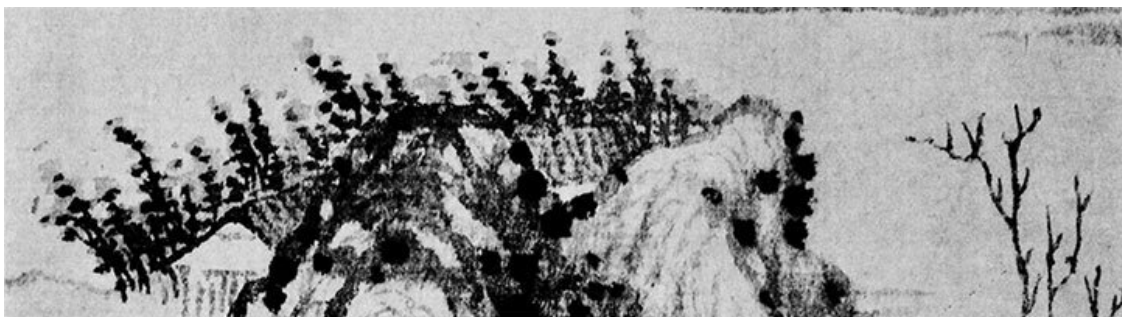
Есть правда и неправда, есть согласие и несогласие. То есть всего четыре стороны рассмотрения происходящего.

Так вот, если утверждающий свою правду действительно прав, тогда правда отличается от неправды. И тогда не о чем спорить. Если согласный действительно согласен, тогда согласие отличается от несогласия, и не о чем спорить.

И когда уже не о чем спорить, мы, забыв о годах, о значениях слов, отправимся туда, где нет разделений, и будем там, где нет различий.

Отсвет спросил у Света:

– Ты раньше двигался, сейчас неподвижен, раньше сидел, а сейчас встал. Почему в твоих действиях невозможно увидеть разумный смысл и цель?

Свет ответил Отсвету:

– Я просто жду, потом, принимая, следую. То, чего я жду, тоже лишь следует тому, от кого дождется. Мое ожидание – как ожидание движения чешуйки на змеиной коже или крылышка цикады. Откуда мне знать, кто управляет движением, откуда знать, кто не управляет движением?

Когда-то я видел сон, в котором я, Сила Круг, был мотыльком. Радостным мотыльком. Летал по своей воле, не осознавая себя Кругом. Вдруг проснулся, пришел в себя, понял, что

я Круг. Не знаю, видел ли Круг сон о том, что он мотылек, или мотылек видит сон о том, что он Круг.

Круг и мотылек. Обязательно есть различие. Его я и называю превращением предметов.

Свиток 3. Главное в питании жизни

Стоит поговорить о том, что такое знание и как оно соотносится с жизнью. Жизнь наша ограничена временем, а познание не имеет границ. Когда ограниченным преследуешь безграничное, неизбежно разрушишь себя. Такое познание мира приведет тебя к гибели.

Не стремись к славе, делая добро; не надейся, что любое зло будет наказано. Иди за тем, что находится посередине, пусть оно тебя и ведет. Плоть свою бережешь, жизнь сохранишь, родное прокормишь, доживешь отпущенный срок до конца.

Как устроено достижение в питании жизни, есть ли какие-то тайны и тонкости в том, как нужно питать свою жизнь? Конечно, есть. Вот об этом и пойдет речь ниже.

Мясник Зрелый разделявал быков для государя Просвещенного Добром. И делал он это, являя величайшую сноровку, орудуя своими ножами. Он не спеша подойдет к туше быка, прикоснется руками, ступит ногой, обопрется плечом, колено согнет. А в каждом звуке, скрипе, шуме, свисте летящего ножа точное попадание в лад, как в музыке древних плясов из Туговой роши, как в песнях времен древних государей.

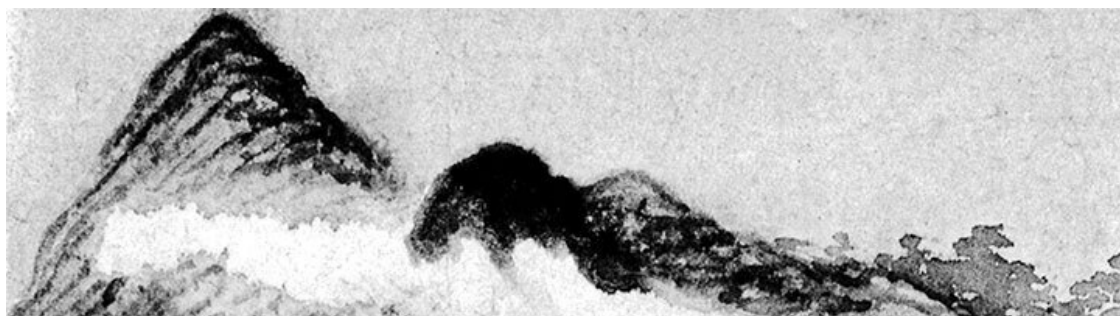
Видя такое умение, сказал правитель Просвещенный Добром:

– То, что вы делаете, это настоящее чудо! Как же можно достичь такого умения?

Мясник Зрелый, отложив свой нож, сказал государю:

– Ваш слуга любит только Путь. Этим я и продвигаюсь в своем ремесле. Когда ваш слуга начал резать быков, то видел перед собой только просто целых быков. Прошло три года, и больше я не видел целых быков. Сейчас я к ним прикасаюсь духом сердца, а не глазами смотрю. Знаю, где своими ощущениями замереть, а духом устремиться вперед. Тогда включается устройство Небес. И направляю удары в щели, иду по пустотам, следую за неизменным. Потому не бью по суставам и связкам, никогда по большим костям.

Лучший мясник раз в год меняет свой нож. Стачивает. Посредственный – раз в месяц меняет нож. Ломает. Ножу вашего слуги уже девятнадцать лет. Резал им несколько тысяч быков. А лезвие – будто только с точильного камня.

В каждом суставе есть пространство, а в лезвии отсутствует толщина. То, что не имеет толщины, двигаешь вперед, и идешь туда, где есть пространство. Тогда лезвие странствует в пустоте, всегда находя пустое место. Потому мое лезвие через девятнадцать лет – будто с точильного камня.

И каждый раз, натываясь на место соединения, смотрю и заранее вижу, где будет трудность в движении, осторожным напряжением внимания я в тот же миг сдерживаю себя. Мой взор замирает, действия становятся медленнее, движется нож мельчайшей дрожью. И с треском разваливается туша, как ком земли рассыпается кучкой пыли. Тогда нож отложу, встану, разомнусь на месте, чтобы ощутить полноту воли в душе. Нож приведу в порядок и спрячу.

Молвил правитель Просвещенный Добром:

– Как здорово! Услышал речи Мясника Зрелого и постиг, как питать жизнь.

Равный в Узорах Стержень, встретившись с одноногим Чиновником Правой Сто-
роны, испуганно спросил:

– Что за человек такой? Почему одна нога? От Неба ли, от людей ли?

Тот ответил:

– От Неба, не от людей. Небо, рождая меня, дало такой облик как человеку. И вот чело-
веком имею такой вид. Знаю, что от Неба, а не от людей.

Фазан на болоте живет; чтоб клюнуть еды, пройдет шагов десять, чтобы выпить воды,
пройдет сто шагов. Но не хочет, чтобы его держали в загоне. Хоть и кажется, что живешь, как
царь, а ничего хорошего нет.

Умер Старец Красноухий. Высший в Утратах на скорбном обряде лишь три раза кряк-
нул и вышел.

Ученик спросил:

– Ты же был другом учителю?

Тот ответил:

– Так.

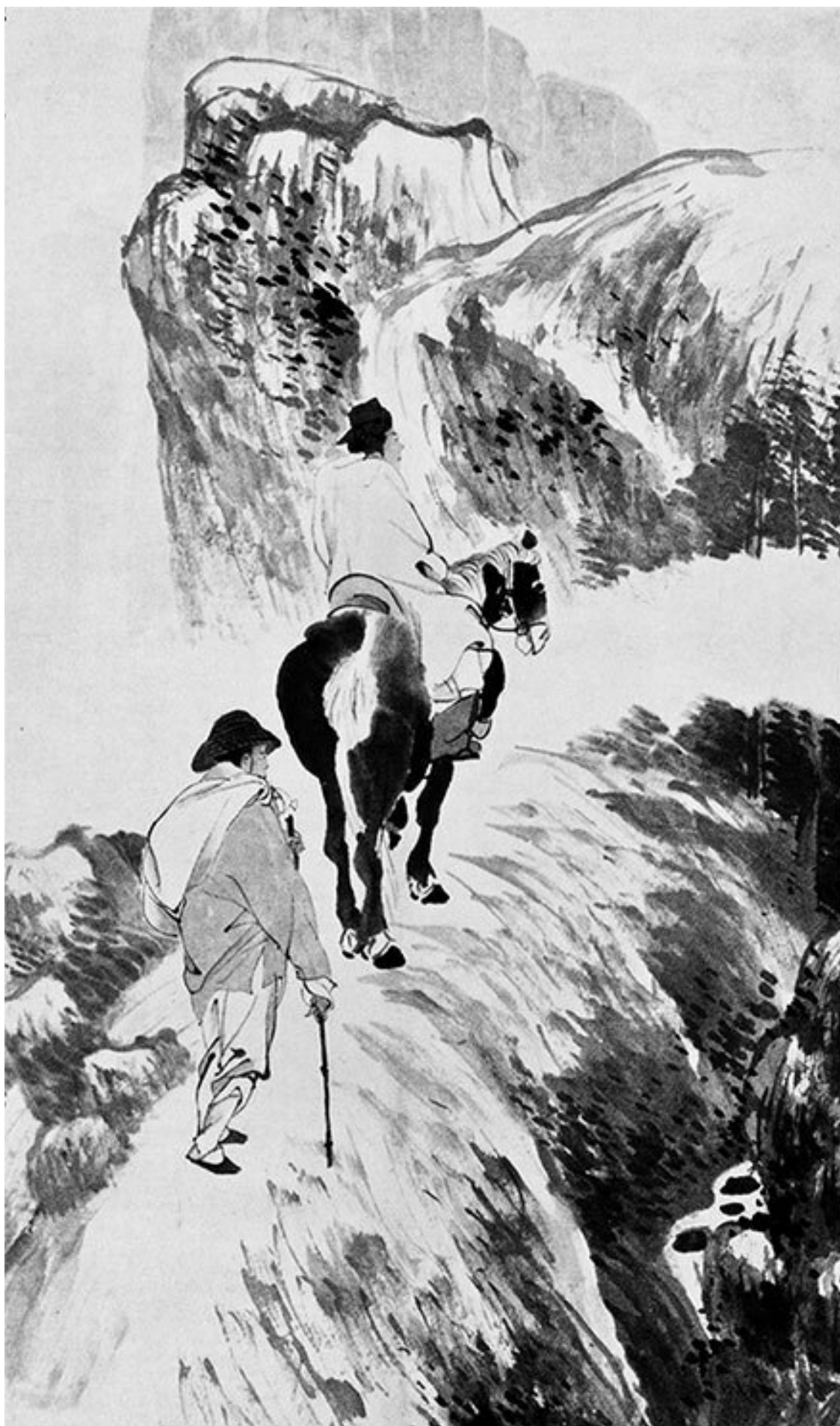
– А в скорбном обряде ведешь себя так. Разве можно?

Ответил:

– Вот так. Думал сначала, что вы его последователи, но вижу сейчас, что нет. Только вошел на скорбный обряд, а там старики плачут о нем, как плачут по детям, а молодые плачут о нем, как плачут по матери. Среди собравшихся здесь были, кто говорить не хотели, а говорили, плакать не хотели, а плакали. Это уход от Неба в подчинение чувствам. Забыли, что он вам дал? В древности так называли наказание за уход от Неба. Случается случай – и ты приходишь. Таков учитель во времени.

Случается случай – и ты уходишь. Такова послушность учителя. Спокойствием времени пребываешь в послушности. Печаль и радость не могут попасть в тебя. В древности именно это подразумевали, когда говорили: «Разрезать пути владыки».

Фитили сгорают в свечах, когда по ним проходит огонь. Не знаю, кончается ли огонь вместе с ними?

Свиток 4. В миру среди людей

Люди постоянно стремятся улучшить жизнь через изменение других людей. Нам неудержимо хочется оказывать влияние на наших спутников в этом космосе, и всегда было много разных подходов к тому, как делать это наиболее действенно.

Такие возможности находятся в рамках древних способов познания и влияния на этот мир, и все школы обучали своих последователей в первую очередь именно этому, знакомя их с описаниями мира, принятыми в их традиции.

Вертящий Лик учился у Дырова, усваивая знания, приходящие от учителя, и, понятное дело, ему хотелось применить эти знания, чтобы проверить их действенность, и он, подобно другим ученикам, искал такую возможность повсюду, приглядываясь к правителям разных областей Поднебесной.

Так что Вертящий Лик посетил учителя Дырова и попросил разрешения уехать. Он не стал сразу обозначать учителю цель своего отъезда, но тому, знающему своих учеников, как открытую книгу, и так было все ясно.

Дыров спросил:

– А куда ты собрался?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.